

УДК 811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-4-607-617

Особенности падежной системы эрзянских говоров Чувашского Присурья

Н. А. Агафонова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ohanina@rambler.ru*

Г. В. Рябова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabova.gv@bk.ru*

И. Н. Рябов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabov.74@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Вопрос изучения присурских говоров Чувашии имеет особое значение для описания диалектных особенностей эрзянского языка. Изолированное развитие этих говоров позволило сохранить архаичные явления древней системы праязыка и создало условия для появления инновационных явлений. Данная работа представляет собой продолжение исследований в области диалектной морфологии мордовских языков. В статье рассматривается падежная система имени существительного в эрзянском диалектном ареале. Дается анализ категории падежа исследуемого ареала, рассматривается структура падежных форм, выявляются особенности их употребления, описываются новообразования, характерные только для данного лингвистического ландшафта.

Цель: выявление структурных изменений и особенностей употребления падежных форм имени существительного говоров Чувашского Присурья.

Материалы исследования: полевые материалы, собранные авторами во время лингвистических экспедиций в районах компактного проживания эрзян данного ареала.

Результаты и научная новизна. В статье впервые проанализирована в сравнительном плане диалектная специфика падежных систем имени существительного эрзянских говоров Чувашского Присурья с литературным языком и другими говорами северо-западного диалекта. В результате исследования этого ландшафта выявлено, что в падежной парадигме неопределённого склонения имени существительного наличествует 13 падежей. В качестве самостоятельного падежа выступает комитатив с морфологическими маркерами *-ks'ek / -s'ek / -c'ek / -n'ek / -nek*; датив имеет усечённую форму *-n'e / -ne*; в падеже инессив, кроме морфологических маркеров *-so / -se*, зафиксирован древний вариант *-sne*, который реализуется в словах с основой на шипящие и свистящие согласные. Установлено, что диалектное варьирование падежных морфем связано с сохранением архаичных суффиксов и их комбинаций. В данном ареале зафиксировано несколько имён существительных с формантом *-zaj*, указывающим на отдельный предмет из множества ему подобных, например: *kudo-zaj* 'в каждый дом (из всех этих домов)'. Научная новизна заключается введением в научный оборот новых диалектных данных, которые способствуют дальнейшему изучению морфологических особенностей эрзянского языка.

Ключевые слова: эрзянский язык, диалект, говор, существительное, падежная система, парадигма, падеж

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РНФ 24-28-00534 «Цифровое описание мордовских диалектов Присурья».

Для цитирования: Агафонова Н. А., Рябова Г. В., Рябов И. Н. Особенности падежной системы эрзянских говоров Чувашского Присурья // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 4 (63). С. 607–617.

Features of the case system of the Erzya dialects of the Sura area

N. A. Agafonova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ohanina@rambler.ru*

G. V. Ryabova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ryabova.gv@bk.ru*

I. N. Ryabov

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ryabov.74@bk.ru

ABSTRACT

Introduction: the issue of studying the Prisursky dialects of Chuvashia is of particular importance for the study of the dialectal features of the Erzya language. The isolated development of these dialects made it possible to preserve the archaic phenomena of the ancient system of the proto-language and created conditions for the emergence of innovative phenomena. This work is a continuation of research in the field of the Mordovian dialect morphology. The article examines the case system of the noun in the Erzya dialect area. The case category of the linguistic area under study is analyzed, the structure of case forms is considered, the features of their use are revealed, and the new forms characteristic only of this dialectal landscape are described.

Objective: identification of structural changes and features of the use of case forms of nouns in the dialects of the Chuvash Prisursky area.

Research materials: field materials collected by the authors during linguistic expeditions in places of compact residence of the Erzya people of this area.

Results and novelty of the research: the article provides the first comparative analysis of the dialect specificity of the case systems of the noun of the Erzya dialects of the Chuvash Prisursky area with the literary language and other dialects. As a result of the study of the dialects of this landscape, it was revealed that there are 13 cases in the case paradigm of the indefinite declension of the noun. The comitative with morphological markers *-ks'ek / -s'ek / -c'ek / -n'ek / -nek* acts as an independent case; the dative has a truncated form *-n'e / -ne*; in the inessive case, in addition to the morphological markers *-so / -se*, an ancient variant *-sne* is recorded, which is realized in words with a base on hissing and sibilant consonants. It has been established that dialectal variation of case suffixes is associated with the preservation of archaic suffixes and suffix combinations. In this area, several nouns with the formant *-zaj* have been recorded, indicating a separate object from a set of similar objects, for example: *kudo-zaj* 'in each house (of all these houses)'. The scientific novelty lies in the introduction of new dialect data into scientific circulation, which contributes to further study of the morphological features of the Erzya language.

Key words: Erzya language, dialect, subdialect, noun, case system, paradigm, case

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant 24-28-00534 "Digital description of the Mordovia dialects of the Prisursky region".

For citation: Agafonova N. A., Ryabova G. V., Ryabov I. N. Features of the case system of the Erzya dialects of the Sura area // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (4/63): 607–617.

Введение

Объектом данного исследования являются эрзянские говоры Чувашского Присурья, значительно отличающиеся от говоров эрзянских сёл Присурья Республики Мордовия и Пензенской области. Дialeктное своеобразие этого ареала до сих пор остаётся не до конца рассмотренной. Языковые особенности анализируемых говоров достаточно близки между собой: они объединены общими лексическими, фонетическими и морфологическими особенностями. Их специфика определяется тем, что данный ареал развивался относительно самостоятельно, тем не менее, основные показатели рассматриваемых говоров во многом являются характерными для северо-западного диалектного типа восточной части территории Мордовии. Анализ полевого материала даёт возможность глубже рассмотреть диалектную самобытность языка этого региона. Исследование падежной системы имени существительного показывает особенности парадигм склонения описываемого лингвистического ландшафта. Языковые данные этих говоров представляют интерес как для эрзянской диалектологии, так и для истории мордовских языков.

Рассмотрение вопросов современного состояния финно-угорских языков с точки зрения их диалектных особенностей остаётся актуальным до настоящего времени. Фиксация и описание

этих своеобразных явлений считается важным фактором в изучении каждого конкретного языка. В работе Л. Л. Карповой представлена диалектная специфика удмуртского языка [9]. Вопросы, касающиеся состояния марийского языка и классификации диалектов описаны в статьях М. Н. Кузнецовой [12], Ю. В. Норманской [17]. Семантическая структура и сопоставительная характеристика общепермских падежей имени существительного представлены в исследовании Г. А. Некрасовой [16].

История падежной системы мордовских языков сложна и своеобразна. В ней выявляются падежи, которые относятся к различным хронологическим периодам. Вопросы, относящиеся к происхождению падежной системы эрзянского и мокшанского языков, рассмотрены в трудах Д. В. Бубриха [5, 39–79], Б. А. Серебренникова [18, 12–72], Д. В. Цыганкина [21], Д. Т. Надькина [15], Г. И. Ермушкина [8], Н. А. Агафоновой и И. Н. Рябова [1; 2; 25].

В данном исследовании тщательному описанию подвергаются падежные формы имени существительного эрзянских говор Чувашского Присурья. Рассмотрено варьирование анализируемых падежей с точки зрения их маркирования. Особое внимание уделено семантическому наполнению каждой падежной формы, описываются случаи несовпадения и различия в семанти-

ке некоторых падежей и особенности их синтаксического функционирования.

Материалы и методы

Материалом исследования служат полевые материалы авторов, которые были собраны во время лингвистических экспедиций в 2023 и 2024 гг. в эрзянских сёлах Алтышево (э.н. Корайгужо), Атрать Алатырского и Напольное (э.н. Алвеле), Рындино (э.н. Мурза), Сыреси (э.н. Сырезвеле) Порецкого районов Чувашской Республики. Территориально они расположены в бассейне реки Сура, находятся относительно близко друг от друга и расположены в юго-восточной части Чувашской Республики.

Эвристические методы, применённые в исследовании, дали возможность для сбора и фиксации диалектного материала. Данная работа проводилась на основе программы-вопросника, с помощью которой прослеживается диалектное варьирование языковых явлений на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях [3]. Описательный метод способствовал рассмотрению языковых явлений анализируемых говоров; сравнительный метод позволил определить морфологические особенности падежных парадигм исследуемого диалектного ландшафта и выявить падежные словоформы, представленные только в данном ареале.

Результаты

До настоящего времени среди учёных-лингвистов нет единого мнения о количестве падежей в мордовских языках. Система падежей в именном словоизменении является подвижной и непостоянной категорией. А. П. Феоктистов пишет, что «в парадигмах мордовского именного словоизменения с течением времени может образовываться то большее, то меньшее количество падежей» [20, 211]. Одни учёные считают, что в эрзянском языке 11 падежей [20, 8], другие выделяют 12 [7; 24], третьи утверждают, что их 13 [21, 34–97]. Д. В. Цыганкин отмечает, что «наличие падежеобразных форм затрудняет разрешение вопроса о составе падежей, так как в отдельных говорах и диалектах некоторые из этих форм выступают в качестве живых, вполне самостоятельных, падежей» [21, 35].

В парадигме неопределённого склонения имени существительного в говорах сёл Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого района, Атрать, Алтышево Алатырского районов Чувашского Присурья наличествует 13 падежей. Анализ полевого материала показывает, что их морфологические маркеры в основном идентичны с соответствующими суффиксами эрзянского литературного языка. Выявленные нами различия и особенности парадигм неопределённого склонения имени существительного представлены в таблице.

Таблица 1

Парадигма основного склонения

	д.ф.	э.л.	перевод
Ном.	v'ir', šakš, sudo	вирь, чакш, судо	лес, горшок, нос
Ген.	v'ir'-i-n', šakš-u-n', sudo-n'	вирень, чакшонь, судонь	леса, горшка, носа
Дат.	v'ir'-n'e, šakš-ne, sudo-n'e	вирнень, чакшнэнь, судонень	к лесу, к горшку, к носу
Абл.	v'ir'-d'e, šakš-to, sudo-do	вирде, чакшто, судодо	о лесе, о горшке, о носе
Инес.	v'ir'-se, šakš-ne, sudo-so	вирьсэ, чакшсо, судосо	в лесу, в горшке, в носу
Элат.	v'ir'-ste, šakš-o-sto, sudo-sto	вирьстэ, чакшсто, судосто	из леса, из горшка, из носа
Иллат.	v'ir'-s, šakš-o-s, sudo-s	вирьс, чакшс, судос	в лес, в горшок, в нос
Лат.	v'ir'-e-ŋ, ø, ø	вирев, ø, ø	в лес, ø, ø
Пролат.	v'ir'-ga, šakš-ka, sudo-va	вирьга, чакшка, судова	по лесу, по горшку, по носу
Трансл.	v'ir'-e-ks, šakš-o-ks, sudo-ks	вирькс, чакшокс, судокс	как лес, как горшок, как нос
Компар.	v'ir'-ška, šakš-o-ška, sudo-ška	вирьшка, чакшошка, судошка	с лес, с горшок, с нос
Абес.	v'ir'-t'em'e, šakš-ftomo, sudo-ftomo	вирьтеме, чакштомо, судовтомо	без леса, без горшка, без носа
Комит.	v'ir'-n'ek, šakš-nek, sudo-n'ek	ø, ø, ø	с лесом, с горшком, с носом

В рассматриваемых говорах падежные формы номинатива и генитива неопределённого склонения не обладают существенными отличиями по сравнению с формами эрзянского литературного языка (см. табл. 1). Древний суффикс генитива

*-n выступает в двух вариантах: -n и -n'. В настоящее время твёрдый вариант -n зафиксирован в говорах сёл Атрать и Алтышево Алатырского района. Его употребление ограничено, он встречается в именах существительных с основой на

твёрдый согласный с предшествующим гласным заднего ряда: *oš – oš-u-n (oš-u-n ul'c'ava mol'i 'он идёт по городским улицам')* [ПМА 4: Автаева, Долгова]. Этимологию твёрдого варианта -n, по мнению Д. В. Цыганкина [21, 45], необходимо связать с древним суффиксом аккузатива на *-m.

В эрзянском литературном языке и во многих других диалектах и говорах прямой объект со значением аккузативности выражается падежными формами номинатива, генитива и аблатива. Использование того или иного падежа зависит от определённости или неопределённости предмета и синтаксической конструкции. По мнению М. Н. Колядёнкова, употребление генитива основного склонения в функции прямого объекта с глагольными формами объектного спряжения в эрзянском литературном языке невозможно [11, 200–219]. В говорах анализируемых сёл формы генитива с морфемой -n' в значении аккузативности вполне допустимы со сказуемыми, выраженными глагольными формами объектного спряжения, например: *t'et'am sovaftiz'e cal'g'ej k'ept'ere-n'* 'мой отец занёс корзину калины' [ПМА 4: Рябова]; *oz'im lansto pat'am skalu-n' pan'iz'e* 'моя старшая сестра с озимых выгнала корову' [ПМА 3: Низова].

В системе именного словоизменения падежная форма датива чаще всего указывает на предмет, на который направлено действие. В эрзянском языке морфема датива -*нень /-нэнь* по происхождению является сложной падежной формой, в её образовании принимала участие морфема генитива -n, к которой присоединился послелог **t'ej* со значением «по направлению к чему, к кому» [5, 65; 19, 18]. В эрзянском диалектном ареале падеж датив имеет разные морфологические маркеры [18, 3–11]. Сравнительный анализ парадигм показал, что в анализируемых говорах падеж датив, в отличие от литературного языка и многих других диалектов, имеет усечённую форму -*n'e / -ne*: *ava-n'e* 'женщине; матери', *r'ev'e-n'e* 'овце', *lišm'e-n'e* 'лошади', *kudo-n'e* 'к дому', *kardo-n'e* 'к хлеву', *skal-ne* 'корове', *saraz-ne* 'курице' [ПМА 1: Ракшина, Кулясов, Жегалина]. В данных говорах употребление форм датива возможно только с представленной морфемой, например: *p'en'čes't'v'en's't'ija l'al'a-n'e* 'эту ложку я протянула старшему брату'; *m'ir'd'e-n'e l'is'in'p'ek octo* 'замуж вышла очень рано'; *v'iška vaz-ne p'iz'e t'ikše a maksn'it'* 'маленькому телёнку не дают зелёное сено' [ПМА 1: Ракшина, Жегалина]. Необходимо отметить, что такое явление характерно и для северо-западных диалектов [8, 77; 15, 14–15].

Анализ падежной парадигмы имени существительного рассматриваемого ареала показывает,

что морфологические показатели аблатива идентичны литературным формам (см. табл. 1). По характеру выражаемых значений падеж аблатив полифункционален. Его основная семантическая функция – обозначение места или предмета, от которого что-то исходит или отделяется, например: *javoms jalga-do* 'отдалиться от друга', *orgod'it' r'ev'e-d'es't'* 'ты убежал от этой овцы', *s'ejs't' avafto-du-st* 'они отделились (букв.: ушли) от своей свекрови' [ПМА 1: Ракшина, Жегалина]. Аблатив может выражать значение прямого объекта: *jarsan mastumar'-d'e* 'я ем землянику', *s'imt'l'is'mav'et'-t'e* 'пей колодезную воду' [ПМА 1: Кулясов]. Падежные формы аблатива также передают семантику пространства и времени, сравните: *jofl'i sonsinze kudo-do / t'ešt'et'n'e-d'e* 'рассказывает о своём доме / об этих звёздах'; *ekakšos'p'el'ije-d'e m'el'e l'ift'i p'ej'k't'* 'у ребёнка через полгода начинают прорезываться зубы', *k'izen'b'er't' č'i-d'e čis robotin'ek paks'aso* 'всё лето изо дня в день работали в поле' [ПМА 1: Ракшина, Кулясов, Жегалина].

В эрзянских говорах Чувашского Присурья особенностью падежа аблатив является то, что в словах с определённой семантикой падежная морфема -*do / -d'e / -to / -t'e / -te* в одной и той же словоформе может употребляться дважды, сравните: *l'al'a-do* 'о брате' – *l'al'a-do-du-t* 'о твоём брате' / *l'al'a-do-du-nok* 'о наших братьях', *ekakš-to* 'о ребёнке' – *ekakš-to-do-s't'* 'об этом ребёнке', *piks-te* 'о верёвке' – *piks-te-de-s't'* 'об этой верёвке' [ПМА 2: Бикина, Кириллова]. Двойное маркирование используется для большей актуализации данной словоформы. Это явление нами зафиксировано только в указательном и притяжательном склонениях: *anc'ak narmun'es'jarsi suks-to-do-s't'* 'только птица ест этого червяка', *avas'jala r'izni ekakš-to-du-nzo* 'мать всегда переживает о своём ребёнке'; *pat'a-do-du-n baška kijak valgak ez'm'er'e* 'кроме моих старших сестёр никто единого слова не сказал' [ПМА 1: Ракшина, Кулясов].

В говорах рассматриваемого ареала падеж инессив, кроме основных морфологических маркеров -*so / -se* имеет вариант -*sne*. Сравните: д.ф. *kudo-so* – э.л. *кудосо* 'в доме', д.ф. *v'el'e-se* – э.л. *велесэ* 'в деревне', д.ф. *k'el'-se* – э.л. *кельсэ* 'на языке', но д.ф. *šakš-(s)ne* – э.л. *чакш-со* 'в горшке', д.ф. *p'ik(s)-sne* – э.л. *пикс-сэ* 'верёвкой', д.ф. *t'ešks-sne* – э.л. *тешкс-сэ* 'знаком, чертой', д.ф. *avtobu(s)-sne* – э.л. *автобус-со* 'на автобусе'. Суффикс -*sne / -(s)ne* в анализируемых говорах употребителен в словах с основой на шипящие и свистящие согласные. Варьирование морфологического маркера инессива имеет свою специфику употребления: *lovsos'šakšne* 'молоко в горшке',

p'iksne s'ulmams 'привязать верёвкой', *In'eč'ise Pazos' kaz'im'iz'* 'Пасхой Бог нас наградил', *od t'ešksne t'eškstaz'* 'новым знаком обозначен', *koctun' ponksne* 'в льняных штанах' [ПМА 1: Ракшина, Кулясов]. В диалектных формах инессива, основа которых оканчивается на аффрикату -č, наличествует вариант *-ne / -n'e*, например: *bod'am jarsil cuvton' p'en'č'-n'e* 'мой дед ел деревянной ложкой'; *ik'el'e Alv'el'este S'ijavoŋ jak'il't' v'en'č'-n'e Suros't' troks* 'раньше из Напольного в село Сиява добирались на лодке через Суру' [ПМА 1: Ракшина, Жегалина].

В говорах Чувашского Присурья суффикс инессива *-sne* является архаичным явлением. Он отразил в себе **-s*-овый латив и **-na / *-nä*-овый локатив [19, 20–22; 29, 78]. До настоящего времени данный суффикс сохранился в рассматриваемых говорах Чувашского Присурья, а также в эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области и в некоторых говорах Нижегородской области и Республики Мордовия [23].

В анализируемых говорах исключением является диалектная форма инессива *on-sne* 'во сне', семантика которой в литературном языке и других диалектах и говорах передаётся падежом элатив – *он-сто*, которые могут быть маркированы посессивными суффиксами: *-n'*, *-t'-nze*, *-n'ek*, *-nk*, *-st*. Сравните: д.ф. *on-sto-n n'ejja*, *on-sto-nzo n'ejz'e*, *on-sto-nok n'ejn'ek* – э.л. *он-сто-н неия*, *он-сто-нзо неузе*, *он-сто-нок неинек* 'во сне я его видел / он его видел / мы его видели' [ПМА 3: Низова, Герасимов].

Для описываемых говоров специфичным является употребление заимствованного слова *поезд* в падеже инессив, например: *Moskovsto Šum'eryl'aŋ paskod'in'ek pojესne* 'Из Москвы в Шумерлю мы добирались на поезде' [ПМА 1: Ракшина]. Появление диалектной словоформы *pojесne* связано с фонетическими изменениями, которые не характерны для соответствующей падежной формы эрзянского литературного языка, сравните: д.ф. *poje-sne* – э.л. *поезд-сэ* 'на поезде'. В образовании этого диалектного варианта наблюдаются следующие фонетические процессы, характерные для эрзянского языка: регрессивная ассимиляция по звонкости-глухости (*d* → *t*, *z* → *s*), выпадение согласного (*t* → $\emptyset$) и сужение согласных (*ss* → *s*): *pojezd-sne* < *pojест-sne* < *pojесne* < *poje-sne*.

Особенностью этого лингвистического ландшафта является то, что падежные формы инессива имён существительных в аккузативном значении могут употребляться в качестве прямого объекта в указательном и притяжательном склонениях, например: *er'va č'ist'e n'ejan k'ileŋ'er'ste*

valg'ic'a ekakšosos't' 'каждый день вижу ребёнка, спускающегося с улицы Берёзовой (букв.: берёза + клюв)'; *an'c'ak šabراسos't' uč'in'ek* 'только этого соседа ждали'; *čop učos' avasunzo* 'целый день он ждал свою маму'; *psak'in'es' šešk'i t'v'etkatnese* 'котёнок топчет эти цветы'; *umok učan jalgasun* 'я давно жду своего друга'; *narv'ic'a sarazosomok p'izestenze k'izen'b'er't' pan'c'it'anok* 'нашу клушку всё лето не выгнать'; (*ekakš-o-so-s't'* 'ребёнка этого' – указательное и *ava-su-nzo* 'маму свою (его)' – притяжательное) [ПМА 1: Ракшина, Кулясов, Жегалина; ПМА 2: Бикина, Кириллова]. Падежные словоформы *ekakš-o-so-s't'* (букв.: ребёнок-этого), *šabra-so-s't'* (букв.: соседа-этого), *t'v'etka-t-ne-se* (букв.: цветы-эти) употреблены в указательном склонении единственного и множественного числа; формы инессива *jalga-su-n* 'своего друга (букв.: моего)' и *skal-su-st* 'свою корову (букв.: их)'.

Наш полевой материал показывает, что в роли прямого объекта в инессиве неопределённого склонения могут употребляться имена собственные, сравните: *M'ikol'-se učan Ošosto* 'Из Алатыря жду Николая', *son vasti Simka-so v'er'e p'ese* 'он встречает Семёна в начале улицы', *ton il'a s'ovno M'itr'ej-se, son a čumo* 'ты не ругай Дмитрия, он не виноват' [ПМА 3: Низова, Герасимов]. По мнению Ф. П. Маркова, это возможно потому, что имя собственное «достаточно конкретно и не нуждается в дополнительном выражении определённости» [14, 45]. Необходимо отметить, что предикат при прямом объекте имён существительных в инессиве всегда является транзитивным и выступает только в безобъектном спряжении. Прямой объект в инессиве является своеобразным способом выражения как незаконченным действием, так и частичным охватом прямого объекта.

В описываемых говорах сёл Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого района в роли прямого объекта в инессиве могут выступать при эллипсисе субстантивированные имена прилагательные, местоимения. Например: *koda is't'amosos't' (bukasos't')*, *pat'ej, k'ir'd'at s'kamunt* 'тётя, как тако-го (быка), ты одна содержишь?'; *an's'ak pokšosos't' avazo karmafti pan'd'at kockomo, v'išk'in'eses't' a tokši* 'мать только старшую (дочь) заставляет грядки полоть, младшую не трогает' [ПМА 1: Ракшина, Жегалина]. Данное явление встречается в формах инессива имени существительного, подвергшихся временной лексикализации.

В анализируемом диалектном ареале падежные формы элатива и иллатива совпадают с его литературными эквивалентами (см. табл. 1).

В лингвистическом ландшафте Чувашского Присурья падеж латив имеет морфему *-ŋ*, например: д.ф. *p'ir'e-ŋ* – э.л. *пуре-в* 'в огород', д.ф.

kudo-ŋ – э.л. *кудов* ‘в дом’, д.ф. *ош-о-ŋ* – э.л. *ош-о-в* ‘в город’ [ПМА 4: Автаева]. История *-ŋ* латива восходит к общемордовскому **-ŋ* лативному суффиксу, отражающему рефлексы двух древних финно-угорских падежных суффиксов: латива на **-n* и латива на **-k* [21, 80]. В эрзянском диалектном ареале, а также в литературном языке, *-ŋ* суффикс в лативе имеет следующие варианты: *-v*, *-u*, *-i*, *-j*, сравните: *v'el'e-v* / *v'el'u-v* / *v'äl'i-v* / *v'el'e-j* / *v'el'-u* / *v'el'-i* ‘в село’ [4, 213]. В рассматриваемых говорах падежный суффикс *-ŋ* присоединяется к существительным с пространственным значением: *paks'aj* ‘в поле’, *n'em'el'eŋ* ‘на небо’, *v'el'eŋ* ‘в село’ [ПМА 4: Рябова, Автаева]. Данный формант латива в таком же варианте встречается в заимствованных словах и в именах собственных, сравните: *otpuskoŋ s'ejs* ‘в отпуск ушёл’, *kosmosoŋ l'ift'i* ‘в космос летит’, *mol'an zavodoŋ* ‘иду на завод’, *Moskovoŋ purnas't-ser'n'as't* ‘они в Москву собираются’, *č'ibaksaroŋ arttanok* ‘мы в Чебоксары едем’ [ПМА 1: Кулясов; ПМА 2: Низова; ПМА 3: Низова].

В говорах сёл Атрать, Алтышево Алатырского района и Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого района формальные показатели пролатива, транслатива, компаратива и абессива идентичны эрзянскому литературному языку.

В рассматриваемых эрзянских говорах в качестве самостоятельного падежа выступает комитатив с морфологическими маркерами *-ks'ek* / *-s'ek* / *-c'ek* / *-n'ek* / *-nek*, например: *pat'an'ek* ‘(вместе) со старшими сёстрами’, *skalnek-r'ev'en'ek* ‘с коровами и с овцами (вместе)’, *s'angonek-kojm'en'ek* ‘с вилами и лопатами’. Основное значение комитатива – совместное участие предметов или живых существ в каком-либо процессе. В исследуемом ареале употребление форм комитатива встречается достаточно часто: *v'el'e-n'ek sas't* *paks'aj* ‘всем селом пришли в поле’ [ПМА 4: Рябова]; *jalgaksek s'ejs't'ekšel'em'e* ‘они ушли купаться вместе с друзьями’; *šabram ekakš-nek s'ejs' stejes* ‘моя соседка вместе с детьми пошла за земляничкой’ [ПМА 1: Ракшина, Жегалина].

Вопрос о данном падеже активно рассматривался в научной литературе. Д. В. Цыганкин утверждает, что «комитатив ... в некоторых диалектах выступает в качестве продуктивного падежного суффикса *-nek* / *-n'ek*, в других диалектах он сохранен в наречных комитативных образованиях» [21, 45]. Р. Бартенс, опираясь на работу Х. Паасонена [28], не считает падеж компаратив самостоятельным падежом, связывая это с синтаксисом мордовских языков, указывая на его связь с определением [26, 80]. Происхождение элемента *-n*, по мнению О. Беке и Б. А. Серебрянникова, в суффиксе *-n'ek* / *-nek* можно связать

с суффиксом локатива **-na*, **-ne* [19, 31; 27, 280]. Д. В. Бубрих называет его сопроводительным образованием [5, 54–56]. Д. В. Цыганкин связывает этот элемент с древним суффиксом инструктива (комитатива) [21, 30].

В эрзянском литературном языке и во многих диалектах и говорах суффикс *-nek* / *-n'ek* воспринимается как наречный формант. В исследуемых говорах данные комитативные образования – это падежные образования, при этом они могут выступать как имена существительные, так и субстантивированные формы. Анализируемые суффиксы комитатива имеют соответствия в марийском языке в виде *-n'ek* / *-s'ek* со значением совместности-комитативности, которые довольно продуктивны [6, 35–37].

В анализируемых говорах падежная форма комитатива чаще всего употребляется в парных словах: *c'oran'ek-avan'ek t'ijge laŋsol't* ‘и мужчины вместе с женщинами были на току’, *kudon'ek-kardaznek pals't* ‘дом с двором сторели’, *sir'en'ek-odnek v'ir'set* ‘и старые вместе с молодыми находятся в лесу’. В предложениях они могут выступать в различных синтаксических функциях – как в роли субъекта, так и объекта. Сравните: *c'in'ek-v'en'ek kolhosne robutin'ek* ‘в колхозе мы работали и днём и ночью’ [ПМА 4: Автаева]; *s'ed'ik'el'e t'el'en'ek-k'iz'en'ek jak'il't kar'se* ‘зимой и летом в старину ходили в лаптях’; *in'ec'iste odnek-sir'en'ek purnav's't F'edam'ez'n'e* ‘на Пасху и старые, и молодые собрались у Федосии’; *l'ed'maŋ l'is't' avan'ek-c'oran'ek* ‘и женщины, и мужчины вышли на сенокос’ [ПМА 1: Ракшина, Кулясов].

Итак, анализ морфологических маркеров падежных словоформ исследуемого ландшафта свидетельствует, что в целом они соответствуют суффиксам эрзянского литературного языка, однако выявленные и представленные выше различия показывают особенности падежной системы имени существительного неопределённого склонения данного ареала исследования.

В говорах сёл Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого района, Атрать и Алтышево Алатырского района Чувашской Республики собственные имена, присоединяя к себе вопросительное местоимение *мезе* ‘что’, осложнённое суффиксом множественного числа *-ть*, обозначает совокупность лиц во главе с названным именем собственным, указывая на собирательность и совместность с другими лицами, например: *Matr'am'es't* ‘Матрёна и другие её близкие’, *M'ikol'm'es't* ‘Николай и другие его близкие’. Данные формы чаще всего указывают либо на родственные отношения имени собственного, либо на дружеские отношения субъекта действия. Сравни-

те: *Таняместь* ‘Таня с родственниками – Таня с мужем, Таня с мужем и детьми, Таня с детьми’; либо ‘Таня с друзьями-подругами’. Дифференциация следует из контекста, например: *kafto ijet’ koda Kol’am’es’it’ Alv’el’este* ‘Два года как Николай с семьёй уехали из Напольного’ [ПМА 1: Кулясов]; *is’ak Ošosto sas’it’ V’eram’es’it’* ‘Вчера Вера с подругами приехали из Алатыря’ [ПМА 4: Долгова]. В этих примерах местоименное образование *m’es’it’* выступает в качестве аффиксоида. По мнению Е. Ф. Клементьевой, данный аффиксоид является довольно продуктивным способом образования собирательных имён в эрзянском языке [10, 258]. По мнению Д. В. Бубрих «*t*-образования множественного числа возникли из *t*-овых образований с собирательным значением» [5, 78]. Д. В. Цыганкин, рассматривая суффиксальный способ выражения собирательности, утверждает, категория множественности и подкатегория собирательности исторически тесно связаны [22, 27–32]. В эрзянском диалектном ареале аффиксоид *-m’es’it’* зафиксирован в северо-западном диалектном типе, а также в некоторых эрзянских говорах западного диалекта. Следует отметить, что во многих говорах Присурья этот аффиксоид со значением собирательности / совместности не зафиксирован. Так, в говорах Большеберезниковского, Кочкуровского районов Республики Мордовия, относящихся к юго-восточному диалектному типу, семантика собирательности выражается при помощи морфологического маркера множественного числа определённого склонения *-t’n’e*, который выступает в соответствующих словоформах как словообразовательный элемент. Сравните: *Bor’ä-t’n’ä sas’it’ kuduv vas’in’c’iks* (Кчк.) / *Bor’a-m’es’it’sas’it’ kudoŋ vas’en’c’eks* ‘Борис и другие его близкие пришли домой первыми’; *F’il’kan’c’i-t’n’ä karčkast putiz’ kudâ udaluv* (Кчк.) / *F’il’ka-m’es’it’ putiz’ modir’kast kudo udaloŋ* ‘Филипп со своей семьёй картошку посадили за домом’ [ПМА 1: Ракшина].

Новообразования собственных имён существительных с семантикой совместности, образованных при помощи аффиксоида *-m’es’it’*, имеют парадигму неопределённого склонения. Однако, необходимо отметить, что элемент множественного числа *-t’* этого аффиксоида наличествует в парадигме склонения только в номинативе, как и у всех других имён существительных основного склонения эрзянского языка. В остальных падежных формах формальный показатель множественности отсутствует, при этом значение собирательной множественности сохраняется в каждой падежной форме парадигмы, например: ген. *M’ikol’-m’es’in’ ekakšust pr’ev’ek*

‘дети семьи Николая умные’, акк. *k’evks’it’ik Val’a-m’es’in’* ‘спроси Валю с её подругами’, дат. *’n’e kujartnen’ maks’i Maša-m’es’n’e* ‘эти огурцы отдай семье Маши’ [ПМА 3: Герасимов; ПМА 2: Бикина].

В говорах сёл Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого района Чувашской Республики нами зафиксировано несколько имён существительных с формантом *-zaj*, например: *kudo-zaj* ‘в каждый дом (из этих домов)’, *kardo-zaj* ‘в каждый хлев (из всех этих)’, *v’el’e-zaj* ‘в каждое селе (из всех этих сёл)’ [ПМА 1: Ракшина]. Данные диалектные словоформы имеют семантику собирательности или определённой совместности / совокупности, одновременно указывая на отдельный предмет из множества, а также некую направленность действия, сравните: *mon kudozaj sovs’in* ‘я из дома в дом (букв.: в каждый дом из всех этих домов) заходил’; *v’em’b’er’it’in’ durak varmas’ v’el’ezaj krišat lutas’* ‘ночной ураган в каждом селе (букв.: во всех этих сёлах подряд) крыши домов снёс’; *er’k’ezaj v’es’e pojnavas’it’ šoldordin’z’e v’et’n’en’* ‘по пойме все озёра он прошёл’ (букв.: воду каждого озера подряд их всех озёр перемешал) [ПМА 1: Ракшина, Кулясов, Жегалина].

Этимология морфемы *-zaj* непрозрачна. Возможно, она является сложным формантом, возникшим из двух древних суффиксов: иллатива со значением «куда», восходящего к лативу на *-*s*, который в интервокальном положении озвончился в *-z-* и суффикса множественного числа *-j (-i)*.

Данные морфологические маркеры находят соответствия во многих финно-угорских языках. Так, Б. А. Серебренников в перечне падежей для эпохи предшествовавших формированию эрзянского и мокшанского языков пишет, что «имеется падеж латив (направительный) на *-*sə (<-sa)*» [19, 34]. Д. В. Цыганкин считает, что «латив (общенаправительный) на *-*s* переосмыслен в качестве иллатива, кроме того, реликты его сохранились в наречиях типа *тозо* ‘туда’ в качестве одного из компонентов элатива *-st* + гласный и инессива *-sn* + гласный» [21, 44]. К. Е. Майтинская, рассматривая суффикс *-i*, утверждает, что основная функция прафинно-угорского суффикса **-j (*-i)* – образование основы косвенных падежей множественного числа [13, 225]. При этом она опирается на исследования Б. А. Серебренникова и П. Алвре, которые возводят суффикс *-i* множественного числа к словообразовательному суффиксу собирательно-го значения. Э. Итконен считает вероятным, что *-j (-i)* уже в прауральском языке выступал и как суффикс множественного числа [13, 316–326].

В эрзянском диалектном ареале формант *-zaj* ранее не был зарегистрирован. В литературном

языке этой словоформе близки синтетическая падежная форма пролатива определённого склонения *кудотнева* ‘по всем этим домам’ и аналитическая конструкция *кудодо кудос* ‘из дома в дом’ (*кудо-до* – аблатив + *кудо-с* – иллатив). В речи информантов этих говоров словоформа *kudozaj* может быть заменена вариантом иллатива определённого склонения *er’va kudos’te* ‘в каждый из этих домов’: *kudozaj od’ir’vas’sovs’es m’ird’en’en jofl’emste* ‘в каждый дом невеста заходила приглашать на свадьбу’; *kardozaj skaltnen’ s’kamun pot’afstin’* ‘в каждом хлеву я одна коров доила’ [ПМА 1: Ракшина, Жегалина]. Рассматриваемые лексические единицы чаще всего выполняют функцию обстоятельства места, сравните: *is’akun’ varmas’ v’el’ezaj jutas’* ‘вчерашний ветер по всем сёлам прошёл’ (букв.: во всех сёлах был); *Kol’o kudozaj l’is’matnen’ l’ifl’in’z’e* ‘Николай в каждом доме (букв.: подряд во всех домах) очистил колодцы’ [ПМА 1: Кулясов, Жегалина].

Обсуждение и заключение

Исследование эрзянских говоров Чувашского Присурья представляет собой огромный интерес для мордовских языков. Изолированное развитие этих говоров и сравнительный анализ морфологического строя исследуемого ландшафта позволил показать лингвистические особенности этих говоров. Описательный характер работы выявил особенности имени существительного в парадигмах говоров сёл Алтышево, Атрать Алатырского и Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого районов Чувашской Республики. Сравнительный анализ полевого материала показал, что парадигмы имени существительного отличаются от соответствующих парадигм эрзянского литературного языка и других диалектов.

В парадигме основного склонения эрзянского литературного языка функционирует 12 падежей. В падежной системе данного лингвистического ландшафта наличествует 13 падежей. В качестве самостоятельного выступает комитатив с морфологическими маркерами *-ks’ek / -s’ek / -c’ek / -n’ek / -nek*: *jalga-ksek* ‘(вместе) с другом / друзьями’, *ekakš-nek* ‘(вместе) с ребёнком / детьми’. В анализируемых говорах падежная форма комитатива чаще всего употребляется в парных словах: *c’oran’ek-avan’ek t’iŋge laŋsol’it’* ‘и мужчи-

ны вместе с женщинами были на току’, *kudon’ek-kardaznek pals’it’* ‘дом с двором сгорели’, *sir’en’ek-odnek v’ir’set’* ‘и старые вместе с молодыми находятся в лесу’.

В исследуемом ареале некоторые падежные морфемы отличаются от соответствующих эквивалентов, сравните: вместо суффикса *-нень / -нэнь* эрзянского литературного языка датив имеет усечённую форму *-n’e / -ne*. Например: *p’at’an’e* ‘сестре’, *sudon’e* ‘носу’, *jaks’argo-n’e* ‘утке’, *saraz-ne* ‘курице’, *k’il’ej-n’e* ‘берёзе’.

В падежной форме инессива, кроме основных морфологических маркеров *-so / -se* (*paks’a-so* ‘в поле’, *p’ir’e-se* ‘в огороде’, *v’ir’-se* ‘в лесу’), в рассматриваемых говорах наличествует вариант *-sne / -ne*, который употребителен в словах с основной на шипящие и свистящие согласные, например: *p’ik(s)-sne* ‘верёвкой’, *šakš-ne* ‘в горшке’. Использование варианта суффикса *-sne / -ne* встречается и в заимствованных словах *ardan avtobu(s)-sne / pojesne* ‘я еду в автобусе / на поезде’.

В речи информантов исследуемого ареала падежные формы инессива с аккузативным значением выступают в качестве прямого объекта в неопределённом и определённом склонениях, например: *t’e ekakšosos’it’ t’et’anzo-avanzo p’ek kol’n’ef’it’it’* ‘родители очень балуют этого ребёнка’; *sin’ v’ešn’it’ skalsust* ‘они ищут свою корову’. Употребление форм инессива в неопределённом склонении характерно для имён собственных: *kafto č’it’ Kul’inaso v’ešn’es’it’ v’ir’ga* ‘два дня искали Акулину в лесу’; *son uč’i Vas’il’se vandid’e m’el’e* ‘послезавтра она ждёт Василия’.

В рассматриваемых говорах сёл Алтышево, Атрать Алатырского и Напольное, Рындино, Сыреси Порецкого районов Чувашской Республики морфема латива сохранила древнюю морфему **-ŋ*: *paks’a-ŋ* ‘в поле’, *kudo-ŋ* ‘в дом’, *v’el’e-ŋ* ‘в село’, *oš-o-ŋ* ‘в город’, *v’ir’-e-ŋ* ‘в лес’.

В эрзянских говорах исследуемого ландшафта зафиксировано несколько имён существительных с формантом *-zaj*, например: *kudo-zaj* ‘в каждый дом (из всех этих домов)’, *v’el’e-zaj* ‘в каждое село (из всех этих сёл)’. Данный формант содержит в себе семантику определённой совместности и направленности действия, одновременно указывая на отдельный предмет из множества ему подобных.

Сокращения

д.ф. – диалектная форма, э.л. – эрзянский литературный, э.н. – эрзянское название.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Варьирование падежных форм датива в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический аспект) // Вестник Чувашского государственного университета. 2018. № 3. С. 3–11.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологическое маркирование аккузатива в грамматических формах существительного и

местоимений эрзянского диалектного ареала // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 207–216. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-207-216.

3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 80 с.

4. Агафонова Н. А., Рябова Г. В., Цыганова М. В. Особенности вокализма эрзянских говоров Присурья // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 207–218. DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218.

5. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.

6. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 203 с.

7. Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1980. 430 с.

8. Ермушкин Г. И. Среднетёшский диалект эрзя-мордовского языка. М.; Гронинген: [б. и.], 2004. 212 с.

9. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

10. Клементьева Е. Ф. Числовая характеристика собирательных имён в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 254–261. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-254-261.

11. Колядёнков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 290 с.

12. Кузнецова М. Н. К вопросу о классификации диалектов марийского языка // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 4 (52). С. 523–533. DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-4-523-533.

13. Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. С. 316–326.

14. Марков Ф. П. Прилатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. I. С. 7–69.

15. Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198.

16. Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. 516 с.

17. Норманская Ю. В. Северо-западное наречие – это горный или луговомарийский язык? // Урало-алтайские исследования. 2024. № 1 (52). С. 86–97. DOI: 10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97.

18. Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964. 184 с.

19. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

20. Феоктистов А. П. К вопросу о составе падежных форм мордовского именного словоизменения // Труды Мордовского НИИ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. Вып. 23. С. 208–211.

21. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1977. 104 с.

22. Цыганкин Д. В. Собирательное множественное (подкатегория по отношению к категории числа) // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. Ч. 5. С. 27–32.

23. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Эволюция парадигм определённого склонения эрзянского языка посредством указательных местоимений // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 735–746. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-735-746

24. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузоль эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтицятнень туртов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 280 с.

25. Agafonova N. A., Ryabov I. N. Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2025. № 18 (1). Pp. 34–44.

26. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 p. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232).

27. Beke O. Cseremiszy neylvan. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományok Akadémia, 1911. 280 p.

28. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1903. 123 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXII).

29. Szinyei J. Finnisch-Ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig: G. J. Göschen, 1910. 161 p.

Полевые материалы авторов

ПМА 1 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Напольное Порецкого р-на Чувашской Республики. Июль 2023 г. (Информанты: О. А. Ракшина, 1946 г. р.; В. М. Кулясов, 1953 г. р.; В. В. Жегалина, 1951 г. р.).

ПМА 2 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Рындино Порецкого района Чувашской Республики. Август 2023 г. (Информанты: Н. В. Бикина, 1952 г. р.; А. П. Кириллова, 1957 г. р.).

ПМА 3 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Сыреси Порецкого района Чувашской Республики. Август 2023 г. (Информанты: Н. Ф. Низова, 1952 г. р., В. В. Герасимов, 1970 г. р.)

ПМА 4 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Атрать и с. Алтышево Алатырского района Чувашской Республики. Июль-август 2024 г. (Информанты: с. Атрать – Т. Н. Рябова, 1969 г. р.; с. Алтышево – И. В. Долгова, 1979 г. р.; Т. М. Автаева, 1961 г. р.).

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Varjirovanie padezhnyh form dativa v dialektah erzyanskogo yazyka (lingvogeograficeskij aspekt)* [Variation of dative case forms in the Erzya language dialects (linguogeographic aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash State University], 2018, no. 3, pp. 3–11. (In Russian)

2. Agafonova N. A., Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Programma po sboru dialektного materiala erzyanskogo yazyka* [Program for collecting dialect material of the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 80 p. (In Russian)
3. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Morfologicheskoe markirovanie akkuzativa v grammaticheskikh formakh sushchestvitel'nogo i mestoimenij erzyanskogo dialektного areala* [Morphological marking of the accusative in grammatical forms of nouns and pronouns of the Erzya dialect area]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 207–216. (In Russian)
4. Agafonova N. A., Ryabova G. V., Tsyganova M. V. *Osobennosti vokalizma erzyanskih govorov Prisyrya* [Features of vocalism of the Erzya dialects in the Sura river area]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (2/57), pp. 207–218. DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218. (In Russian)
5. Bublik D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)
6. Galkin I. S. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of the Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1964. Part 1. 203 p. (In Russian)
7. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Ed. D. V. Tsygankin. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
8. Yermushkin G. I. *Sredneteschskij dialekt erya-mordovskogo yazyka* [Middle Tyosha dialect of the Erzya-Mordovian language]. Moscow; Groningen: [w/p], 2004. 212 p. (In Russian)
9. Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovaniye i sovremennoye sostoyaniye: monografiya* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current state: monograph]. Izhevsk: Marshak Publ., 2020. 563 p. (In Russian)
10. Klementyeva E. F. *Chislovaya kharakteristika sobiratel'nykh imyon v erzyanskom yazyke* [Numerical characteristic of collective nouns in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (2), pp. 254–261. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-254-261. (In Russian)
11. Kolyadenkov M. N. *Struktura prostogo predlozheniya v mordovskikh yazykakh. Predlozheniye i ego glavnyye chleny* [Structure of a simple sentence in the Mordovian languages. A sentence and its main parts]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959. 290 p. (In Russian)
12. Kuznetsova M. N. *K voprosu o klassifikatsii dialektov mariyskogo yazyka* [To the question of classification of dialects of the Mari language]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2023, no. 17 (4/52), pp. 523–533. DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-4-523-533. (In Russian)
13. Maytinskaya K. E. *Sravnitel'naya morfologiya finno-ugorskih yazykov* [Comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija: Voprosy proischozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Pp. 316–326. (In Russian)
14. Markov F. P. *Prialatyrskij dialekt erzya-mordovskogo yazyka* [Alatyr dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. Pp. 7–69. (In Russian)
15. Nadkin D. T. *Morfologiya nizhnep'yanskogo dialekta erzya-mordovskogo yazyka* [Morphology of the Nizhnep'yansk dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. 5. Pp. 3–198. (In Russian)
16. Nekrasova G. A. *Kategoriya padezha imeni suschestvitel'nogo v permskikh yazykakh* [Category of noun case in the Permian languages]. Syktyvkar: FIC Komi NC UrO RAN Publ., 2023. 516 p. (In Russian)
17. Normanskaya Yu. V. *Severo-zapadnoye narechiye – eto gorniy ili lugovomariyskiy yazyk?* [Does the North-West dialect belong to Meadow or Hill Mari?]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2024, no. 1 (52), pp. 86–97. DOI: 10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97. (In Russian)
18. Serebrennikov B. A. *Osnovnyye liniyi razvitiya padezhnoy i glagol'noy sistem v ural'skikh yazykakh* [The main lines of development of case and verb systems in the Uralic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 184 p. (In Russian)
19. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 389 p. (In Russian)
20. Feoktistov A.P. *K voprosu o sostave padezhnykh form mordovskogo imennogo slovoizmeneniya* [To the question of case forms structure of Mordovian nominal inflection]. *Trudy Mordovskogo NII* [Proceedings of the Mordovian Research Institute]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1962. Vol. 23. Pp. 208–211. (In Russian)
21. Tsygankin D. V. *Grammaticheskiye kategoriyi imeni suschestvitel'nogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [Grammatical categories of the noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1977. 104 p. (In Russian)
22. Tsygankin D. V. *Sobiratel'noye mnozhestvennoye (podkategoriya po otnosheniyu k kategoriyi chisla)* [The Collective plural (subcategory in relation to the category of numbers)]. *Mordovskie yazyki glazami lingvisty-finnougroveda* [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2015. Part 5. Pp. 27–32. (In Russian)
23. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Evolyuciya paradigm opredelyonnogo skloneniya erzyanskogo yazyka posredstvom ukazatel'nykh mestoimenij* [The evolution of paradigms of a certain declension of the Erzya language through demonstrative pronouns]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 735–746. (In Russian)
24. *Erzyany key. Morfemika, valony teyevema dy morfologiya: vuzony erzyany dy finneny otdeleniyany tonavtnicyatneny turtov* [The Erzya language. Morphemics, word-formation and morphology: for students of Erzya and Finno-Ugric departments of the university]. Saransk: Krasnyi Oktyabr Publ., 2000. 280 p. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-735-746. (In Erzya)
25. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2025, no. 18 (1), pp. 34–44. (In English)
26. Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 p. (In Finnish)
27. Beke O. *Cseremisiz neylvtan*. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1911. 280 p. (In Hungarian)
28. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre*. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1903. 123 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXII). (In German)
29. Szinnyei J. *Finnisch-Ugrische Sprachwissenschaft*. Leipzig: G. J. Göschen, 1910. 161 p. (In German)

Field materials of the authors

Field materials of the author 1 – *Ekspediciya v s. Napolynoye Poretskogo rayona Chuvashskoy Respubliki, iyuly 2023 g. (Informanty: O. A. Rakshina, 1946 g. r.; V. M. Kulyasov, 1953 g. r.; V. V. Zhegalina, 1951 g. r.)* [Expedition to the village of Napolynoye, Poretsky District, Chuvash Republic, July 2023 (Informants: O. A. Rakshina, 1946 year of birth; V. M. Kulyasov, 1953 year of birth; V. V. Zhegalina, 1951 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v s. Ryndino Poretskogo rayona Chuvashskoy Respubliki, avgust 2023 g. (Informanty: N. V. Bikina, 1952 g. r.; A. P. Kirillova, 1957 g. r.)* [Expedition to the village of Ryndino, Poretsky District, Chuvash Republic, August 2023 (Informants: N. V. Bikina, 1952 year of birth; A. P. Kirillova, 1957 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspediciya v s. Syresi Poreckogo rajona Chuvashskoy Respubliki, avgust 2023 g. (Informanty: N. F. Nizova, 1952 g. r.; V. V. Gerasimov, 1970 g. r.)* [Expedition to the village of Syresi, Poretsky District, Chuvash Republic, August 2023 (Informants: N. F. Nizova, 1952 year of birth; V. V. Gerasimov, 1970 year of birth)].

Field materials of the author 4 – *Ekspediciya v s. Atratyi s. Altyshevo Alatyrskogo rajona Chuvashskoy Respubliki, iyuly-avgust 2024 g. (Informanty: s. Atratyi – T. N. Ryabova, 1969 g. r.; s. Altyshevo – I. V. Dolgova, 1979 g. r.; T. M. Avtaeva, 1961 g. r.)* [Expedition to the village of Atrat and Altyshevo, Alatyrsky District, Chuvash Republic, July–August 2024 (Informants: Atrat – T. N. Ryabova, 1969 year of birth; Altyshevo – I. V. Dolgova, 1979 year of birth; T. M. Avtaeva, 1961 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Нина Афанасьевна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Рябова Галина Викторовна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

ryabova.gv@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-9789-9187

Рябов Иван Николаевич, декан филологического факультета, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

ryabov.74@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376

ABOUT THE AUTHORS

Agafonova Nina Afanasyevna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Candidate of Philological Sciences.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Ryabova Galina Viktorovna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Candidate of Philological Sciences.

ryabova.gv@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-9789-9187

Ryabov Ivan Nikolayevich, Head of the Philological Faculty, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Candidate of Philological Sciences.

ryabov.74@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376